

ДАРА ВЕЙН

ТИХИЕ РАССТРЕЛЫ

Послевоенные репрессии НКВД — МГБ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

18+

Дара Вейн

Тихие расстрелы

«Автор»

2026

Вейн Д.

Тихие расстрелы / Д. Вейн — «Автор», 2026

После войны победа должна была принести свободу. Она принесла новые расстрелы. Капитан МГБ Андрей Волков ведёт допросы, сопровождает этапы и пишет протоколы. Он знает, как ломаются люди — не от боли, а от слова, сказанного в нужный момент нужным тоном. Ленинградское дело, дело авиаторов, разгром Еврейского антифашистского комитета, борьба с «космополитизмом», дело врачей — Волков видит всё изнутри, из тёмных кабинетов Лубянки, где решаются судьбы без суда и следствия. Он заводит тетрадь. Вписывает туда имена — те, что исчезают из протоколов, сжигаются в топках, стираются из памяти. Он не может остановить машину, но может не дать ей стереть людей.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

Тихие расстрелы

ДАРА ВЕЙН

ТИХИЕ РАССТРЕЛЫ

Исторический детектив

Послевоенные репрессии НКВД–МГБ

1945–1953

Пролог

Голос, который не должен был звучать

Ленинград, февраль 1950 года. Зима была длинной и жестокой, как приговор, который зачитывают ночью. Нева стояла чёрным льдом, мосты не разводились — город притворялся мёртвым, как притворялся мёртвым всё, что происходило за стенами Большого дома на Литейном, 4.

Капитан Андрей Павлович Волков сидел в кабинете номер 37 на втором этаже и смотрел, как дым от папиросы «Беломор» плетёт к потолку, извиваясь, как показания обвиняемого, который уже не помнит, что было правдой, а что — нет. Ему было тридцать два года. Лицо — худое, с глубокой складкой между бровей, которая появилась не на фронте, а позже, когда он начал работать следователем. На фронте было проще. Там враг был врагом.

На столе лежала папка. На обложке — «Дело №37». Внутри — двести четырнадцать имён. Он знал, что ни один из этих людей не виновен в том, что им пришьют. Но он также знал, что его подписи стоят на тринадцати протоколах допроса.

«Тринадцать, — думал он. — Чёртова дюжина. Как будто кто-то специально подгонял».

Дверь скрипнула. Вошёл лейтенант Сергей Кузьмин — молодой, двадцати трёх лет, с круглым лицом и глазами, которые ещё не научились не смотреть. Он держал стакан чая в одной руке и папку в другой.

— **Кузьмин:** Товарищ капитан, Попков готов к допросу.

— **Волков:** Уже?

— **Кузьмин:** Его привезли в одиннадцать. Сидит в камере, молчит. Ни о чём не просит.

— **Волков:** Молчит — это хорошо. Значит, ещё думает.

Кузьмин поставил чай на стол и замялся.

— **Кузьмин:** Товарищ капитан... Можно вопрос?

— **Волков:** Нельзя. Но спрашивай.

— **Кузьмин:** Вы правда верите, что Попков — враг народа?

Волков посмотрел на него долго, так, что Кузьмин начал жалеть о своём вопросе. Потом затушил папиросу.

— **Волков:** Серёжа, запомни одну вещь. Моя работа — не верить. Моя работа — составить протокол. И если ты хочешь дожить до звания майора, ты тоже научишься не верить.

— **Кузьмин:** А что будет, если я не научусь?

— **Волков:** Тогда ты окажешься по ту сторону стола. И тогда уже я буду составлять протокол на тебя.

Кузьмин побледнел и вышел. Волков откинулся на стуле и закрыл глаза.

«Я говорю ему то, чему сам не верю. Я учу его не верить, потому что не верить — безопаснее. Но если я не верю в то, что делаю, значит, я уже на той стороне. Просто ещё не знаю об этом».

Он взял папку, открыл на первой странице и начал читать. Первое имя — Пётр Сергеевич Попков. Член ЦК, первый секретарь Ленинградского обкома. Вчера — один из самых могущественных людей в городе. Сегодня — арестант камеры 14.

Волков встал, надел фуражку и пошёл по коридору к допросной. Больше он никогда не был таким, как до этого коридора.

Глава 1

Ленинградское дело

Допросная комната номер 4 — двенадцать квадратных метров, окно забелено известью, стол, два стула, лампа без абажура. Волков вошёл первым, сел, положил папку перед собой и открыл чистый лист. Попкова ввели через минуту.

Пётр Сергеевич Попков был грузным мужчиной пятидесяти одного года, с широким лицом и короткой стрижкой. Он носил френч без знаков различия — их сняли при аресте. Руки слегка дрожали, но он держался прямо. Сел на стул, посмотрел на Волкова и чуть усмехнулся.

— **Попков:** Капитан, я вас раньше не видел. Новенький?

— **Волков:** Я веду ваше дело. Представляться не буду — вы знаете, где находитесь.

— **Попков:** Знаю. Большой дом. Я сюда людей направлял, а теперь сам сижу. Ирония — если бы не было так печально, я бы посмеялся.

— **Волков:** Отвечайте на вопросы. Фамилия, имя, отчество?

— **Попков:** Вы же знаете мою фамилию. Она на папке написана.

— **Волков:** Протокол требует.

— **Попков:** Попков Пётр Сергеевич, тысяча девятьсот тринадцатого года рождения, член ВКП(б) с двадцать седьмого года. Достаточно?

Волков записал и поднял глаза.

— **Волков:** Вы обвиняетесь в антипартийной деятельности, попытке противопоставить ленинградскую организацию Центральному Комитету и организации сепаратистского заговора. Признаёте вину?

— **Попков:** Капитан, я двадцать три года в партии. Я строил ленинградскую парторганизацию из руин. После блокады я хоронил людей — по шестьсот в день. Вы хотите, чтобы я признал, что был врагом того, чему посвятил жизнь?

— **Волков:** Вопрос простой. Признаёте или нет?

— **Попков:** Нет. Не признаю. Потому что не виновен.

Волков отложил ручку. Он знал, что будет дальше. Он читал материалы — показания Вознесенского, показания Кузнецова, показания Капустиной. Все признавались. Все — кроме тех, кто ещё не прошёл вторую ночь.

— **Волков:** Пётр Сергеевич, я задам вам вопрос, на который вы не обязаны отвечать в протоколе. Вы понимаете, что будет, если вы не признаете?

— **Попков:** Понимаю. Расстрел. Но если признаю — тоже расстрел. Только с позором. Я лучше умру как человек, чем как собака, которая виляет хвостом перед тем, кто её бьёт.

— **Волков:** Они хотят, чтобы вы назвали сообщников.

— **Попков:** У меня нет сообщников. Потому что нет преступления. Но если вам нужно имя — назовите меня. Только меня. Запомните мой голос, капитан. Потому что скоро вы перестанете слышать голоса людей, которые говорят правду.

«Запомните мой голос. Он сказал это так, будто знал, что я запомню. И я запомнил. На тридцать лет вперёд — запомнил».

Допрос продолжался четыре часа. Попков отрицал всё. Антипартийная группа — не было. Сепаратизм — не было. Противопоставление Москве — не было. Волков записывал каждое «нет», каждое «не признаю», и с каждым ответом чувствовал, как что-то в нём тонет.

Когда Попкова увели, Волков остался в допросной один. Он смотрел на свои записи и думал о том, что эти листы бумаги отправят человека на расстрел. Не потому, что там написана правда. А потому, что правда не имеет значения, когда приговор уже написан до допроса.

Он достал из кармана фотографию. На ней — жена, Нина, и дочь, Вера, четырёх лет. Вера сидела на коленях у матери и улыбалась так, как могут улыбаться только дети, которые не знают, что такое Большой дом на Литейном. Волков спрятал фотографию и пошёл к себе в кабинет.

В коридоре он столкнулся с подполковником Игнатьевым — человеком из Москвы, куратором «Ленинградского дела».

— **Игнатьев:** Ну, капитан, как наш Попков? Раскололся?

— **Волков:** Отрицает всё, товарищ подполковник.

— **Игнатьев:** Отрицает? Ну-ну. Дайте ему ночь. А завтра утром снова допрос. И завтра, капитан, я хочу видеть признание, а не оправдание. Вам понятно?

— **Волков:** Понятно.

— **Игнатьев:** Вот и хорошо. И не грустите. Грусть — это тоже статья. «Антисоветская подавленность».

Игнатьев засмеялся и ушёл. Волков постоял в коридоре, прислушиваясь к тишине. Где-то в подвале хлопнула дверь. Потом ещё раз. Потом тишина.

«Каждый раз, когда я пишу протокол, я подписываю чью-то смерть. И каждый раз я говорю себе, что у меня нет выбора. Но если у меня нет выбора — значит, я не следователь. Я — палач, который не держит пистолет».

Глава 2

Цена показаний

Ночь в Большом доме текла медленно, как кровь из раны, которую не перевязали. Волков не спал — он сидел в кабинете и читал показания Якова Фёдоровича Капустина, бывшего председателя Ленгорисполкома. Тот признал всё на второй день допроса. Признал, что был участником антипартийной группы. Признал, что вел разговоры о необходимости противопоставления Ленинграда Москве. Признал, что обсуждал идею переноса столицы РСФСР из Москвы в Ленинград.

Волков читал и не верил. Он знал Капустина — встречал его дважды на партсобраниях. Тихий человек с усами, который говорил медленно и взвешивал каждое слово. Признание было написано быстро, без запинок, без сомнений — как будто Капустин диктовал заранее заготовленный текст.

«Как будто он заучил. Как будто кто-то дал ему бумагу и сказал: перепиши это слово в слово».

Дверь открылась. Вошёл Кузьмин — бледный, с красными глазами.

— **Кузьмин:** Товарищ капитан, Капустин просит вас.

— **Волков:** Капустин? Он подследственный. Какого чёрта он просит меня?

— **Кузьмин:** Говорит, ему нужно сказать что-то. Что-то, чего нет в протоколе. И... он просил именно вас. Говорит — вы единственный, кто ещё смотрит ему в глаза.

Волков встал и пошёл по коридору. В этот час — три ночи — в управлении горели только дежурные лампы. Тени ложились на стены длинными полосами, как будто камера была нарисована чёрной тушью на серой бумаге.

Капустин сидел на нарах, обхватив колени руками. Когда Волков вошёл, он поднял голову — и капитан увидел, что левый глаз у подследственного заплыл, а на скуле — тёмный след.

— **Волков:** Что с вами?

— **Капустин:** Упал. В уборной.

— **Волков:** Упал. На кулак?

— **Капустин:** Капитан, давайте не будем. Вы же знаете, как это работает. Вы ведь тоже составляете протоколы.

— **Волков:** Знаю. Поэтому и спрашиваю — что вам нужно?

Капустин помолчал, потом заговорил тихо, почти шёпотом:

— **Капустин:** Я признал, капитан. Вы это знаете. Я подписал всё. И мне всё равно, что будет со мной. Но у меня жена. Шура. Александра Петровна. Её взяли вчера. Она ничего не сделала — понимаете? Ничего. Она только жена. И дочь — Аля, ей десять лет. Осталась одна.

— **Волков:** Я не могу ничего сделать с вашей женой. Это не в моей компетенции.

— **Капустин:** Я не прошу освободить. Я прошу — пусть её не трогают. Пусть вернут Алю домой. Девочка одна, в пустой квартире, в Ленинграде, в феврале. Вы понимаете, что это значит — десять лет и одна в февральском Ленинграде?

Волков молчал. Он понимал.

— **Капустин:** Я подпишу что угодно. Назову кого угодно. Скажу, что мы собирались взорвать Смольный — если хотите. Но верните Алю. Это всё, о чём я прошу.

— **Волков:** Капустин, вы подписали всё до того, как попросили это. Они уже получили показания. А вашу жену взяли не для показаний — её взяли для давления на вас. Чтобы вы не отказались от своих слов.

— **Капустин:** Значит... Шура — это инструмент?

— **Волков:** Шура — это рычаг. Дочь — это рычаг. Вы — это деталь. А деталь не разговаривают с ней, её вставляют и закручивают.

Капустин закрыл глаза. По щеке прошла тень — не слеза, нет. Слёз у него больше не было. Только тень.

— **Капустин:** Капитан... А вы тоже — деталь?

«И он спросил это так, будто знал ответ. Как будто видел меня насквозь — меня, со всеми моими званиями, моим столом, моей папкой, моим „не верю“. Деталь. Да, я — деталь. Но деталь, которая помнит».

— **Волков:** Я — следователь, Капустин. Я веду ваше дело. Больше мне сказать нечего.

— **Капустин:** Нет. Кое-что ещё. Запомните мою дочь. Алину. Алину Капустину. Если когда-нибудь... если вы сможете... Просто запомните.

Волков вышел из камеры и прислонился к стене коридора. Холодный кафель обжёг спину. Он стоял так минуту, потом пошёл к себе. В кабинете он достал чистый лист бумаги и написал: «Алина Капустина, 10 лет, Ленинград». Потом вырвал лист, сложил вчетверо и убрал во внутренний карман — туда, где лежала фотография Веры.

«Он попросил запомнить. Попков попросил запомнить его голос. Капустин попросил запомнить дочь. Все, кто проходит через этот дом, просят запомнить. Как будто знают, что я — единственный, кто ещё способен вспомнить. Но что толку вспоминать, если я ничего не могу изменить?»

Утром Волков провёл второй допрос Попкова. На этот раз Попков был другим — серым, осунувшимся. Он смотрел не на Волкова, а сквозь — в стену, в известь, в ничто.

— **Волков:** Пётр Сергеевич, вы готовы дать показания?

— **Попков:** Капитан, вчера я вам сказал — запомните мой голос. Сегодня я скажу другое. Я признаю.

— **Волков:** Что вы признаёте?

— **Попков:** Всё. Что скажут — всё. Иначе мою жену... Иначе меня будут бить не кулаком, а фактами. Фактами о ней. О детях. Я не могу.

Волков записал. Попков диктовал медленно, с паузами, как будто каждое слово было камнем, который он клал себе на плечи. Антипартийная группа — да. Сепаратизм — да. Враждебная деятельность — да. Каждое «да» — ещё один камень.

«Камни. Мы все складываем камни на свои плечи. И не потому что виноваты. А потому что ноша тяжелее, когда рядом нет никого, кто помог бы её нести».

Глава 3

Расстрел

Первый расстрел по «Ленинградскому делу» состоялся 1 октября 1950 года. Волков не присутствовал — он не должен был. Но он знал, когда это произошло, потому что в ту ночь в Большом доме погас свет на третьем этаже. Так всегда бывало. Расстрелы проводили в подвале, но электричество выключали на верхних этажах, чтобы заглушить звук.

Расстреляли шестерых: Вознесенского, Кузнецова, Попкова, Капустина, Лазутина, Родионова. Шесть человек, которые ещё месяц назад решали судьбы Ленинграда. Шесть выстрелов в подвале, и город продолжил спать.

Через три дня Волкову позвонил Игнатьев.

— **Игнатьев:** Капитан Волков? Завтра в девять утра — ко мне. Нужно поговорить.

— **Волков:** Есть.

— **Игнатьев:** И захватите все материалы по тридцать седьмому номеру. Сдаёте дело.

Волков собрал папки, запечатал в конверт и утром поехал в Москву. Игнатьев принимал в здании на Лубянке — в кабинете с высокими потолками и портретом Сталина во весь рост. Портрет смотрел поверх головы сидящего за столом подполковника — так, что казалось, будто вождь наблюдает не за Игнатьевым, а за тобой.

— **Игнатьев:** Садитесь, капитан. Дело закрыто. Шесть расстреляны. Двести обвиняемых — по десяти годам каждый. Поздравляю.

— **Волков:** Благодарю.

— **Игнатьев:** Не благодарите. Садитесь. Я вас вызвал не для поздравлений.

Игнатьев встал, подошёл к окну и закурил.

— **Игнатьев:** Волков, я вас проверял. Вы чистый. Но есть одна вещь, которая меня беспокоит.

— **Волков:** Какая?

— **Игнатьев:** Попков. Вы вели два допроса. На первом он отрицал. На втором — признал. Что произошло между первым и вторым?

— **Волков:** Ночь, товарищ подполковник. Одна ночь в камере.

— **Игнатьев:** Ночь — это хорошо. Ночь работает лучше следователя. Но вы не спали эту ночь. Почему?

— **Волков:** Материалы готовил.

— **Игнатьев:** Материалы — это одно. А визит к Капустину в три часа ночи — это другое. Волков почувствовал, как спина одеревенела.

— **Волков:** Подследственный просил о встрече. Я обязан реагировать.

— **Игнатьев:** Обязаны. Но протокол не составили. Не зафиксировали. О чём говорили?

— **Волков:** О семье. Он просил не трогать дочь.

— **Игнатьев:** Сентиментальничаем, капитан? Или, может быть, сочувствуем?

— **Волков:** Ни в коем случае. Просто зафиксировал просьбу. Для протокола.

— **Игнатьев:** Для протокола... А бумажку с именем дочери — Алина Капустина — которая лежит у вас в кармане, вы тоже зафиксировали? Для протокола?

Волков похолодел. Он не говорил Игнатьеву о листке. Значит, за ним следили. Или Кузьмин доложил. Или и то, и другое.

— **Волков:** Я записал имя, чтобы не забыть. Для возможного допроса родственников.

— **Игнатьев:** Хорошо. Я вам верю. Пока. Но, капитан, запомните: сочувствие — это статья. Жалость — это статья. И даже память — это статья, если она мешает работать. Дайте мне бумагу.

Волков достал сложенный вчетверо лист, разгладил на столе. «Алина Капустина, 10 лет, Ленинград». Игнатьев взял лист, прочитал и поджёг от зажигалки. Бумага почернела и рассыпалась.

— **Игнатьев:** Забудьте. Нет такой девочки. Нет такого имени. Есть только дело, и оно закрыто. Вам понятно?

— **Волков:** Понятно.

— **Игнатьев:** Вот и отлично. Теперь — новое назначение. У нас начинается «Дело авиаторов». Вам нужно ехать в Хабаровск. Там сидит маршал Новиков. Главный маршал авиации. Интересное дело, капитан. Очень интересное.

«Нет такой девочки. Он сказал это так просто, как будто вычёркивал строку из списка покупок. Но я запомнил. Алина. Десять лет. Ленинград. Он сжёг бумагу, но не мою память».

Глава 4

Дело авиаторов

Хабаровск, ноябрь 1950 года. Волков прилетел на военном Ли-2, который трясло всю дорогу над тайгой. Аэродром был заснежен, и когда Волков спустился по трапу, он на минуту остановился, глядя на бескрайний белый простор. Где-то там, в этой белизне, были лагеря. Десятки лагерей — золото, лес, уголь. Каждый лагерь — это тысячи людей, и у каждого — имя, и каждое имя вычёркивают, как вычеркнули «Алину Капустину».

Маршал авиации Александр Александрович Новиков сидел в отдельной камере следственного изолятора УМГБ по Хабаровскому краю. Камера была маленькой — пять шагов от стены до стены, но Новиков не ходил. Он лежал на нарах, смотрел в потолок и думал.

Когда Волков вошёл, Новиков не встал. Только повернул голову.

— **Новиков:** Капитан?

— **Волков:** Старший следователь Особой комиссии МГБ СССР, капитан Волков. Веду ваше дело.

— **Новиков:** Ведёте. Как будто это ваше. А вы не задумывались, капитан, что вы не ведёте, а несёте? Как почтальон несёт письмо, не зная, что внутри.

— **Волков:** Это метафора, маршал. Я предпочитаю факты.

— **Новиков:** Факты... Хорошо. Факт номер один: я — Главный маршал авиации. Факт номер два: я воевал с сорок первого по сорок пятый. Факт номер три: меня арестовали через месяц после Победы. Факт номер четыре: я сижу в Хабаровске, а не в Москве, потому что в Москве меня знают, а здесь — нет. Хотите ещё фактов?

— **Волков:** Я хочу показания.

— **Новиков:** Показания у вас уже есть. Они написаны. Мне осталось подписать.

— **Волков:** И подпишете?

— **Новиков:** Капитан, мне сорок девять лет. Я прошёл Сталинград, Курск, Кёнигсберг. Я терял полки — целиком, до последнего самолёта. Я видел, как горят люди в воздухе. И вы думаете, что я боюсь камеры?

Волков замолчал. Он читал дело — триста страниц. Новикова обвиняли в присвоении трофейного имущества, в занижении потерь авиации, в связи с «авантюристом Жуковым» — так теперь называли маршала Жукова, который был уже под следствием в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.